

№ 594. — Письмо князю В. А. Долгорукову.

(22 февраля 1857 года.) [Шлиссельбургская крепость.]

Ваше сиятельство!

С благоговением принимаю милость государя и покоряюсь его решению, которое если и не вполне соответствует безумным надеждам и желаниям больного сердца, однако далеко превосходит то, чего я благоразумно и по справедливости ожидать был вправе. Не знаю, долго ли плохое здоровье и одряхлевшие силы позволят мне выдержать новый род жизни; но сколько бы мне суждено ни было еще прожить, и как бы тесен ни был круг, окончательно мне предназначенный, я постараюсь доказать всею остальною жизнью своею, что при всей великой грешности моих заблуждений, несмотря на важность преступлений, мною совершенных (Эти слова кем-то подчеркнуты карандашом в экземпляре, переписанном для Александра II.), во мне никогда не умирало чувство искренности и чести. Из глубины сердца приношу Вашему сиятельству благодарность за великодушное и скорое ходатайство, вследствие которого я по милости царской все-таки умру не в тюрьме, а на вольном воздухе, хоть и умру в одиночестве.

Теперь же, надеясь на человеколюбивое снисхождение Ваше, мне вновь столь живо доказанное, осмелюсь ли приступить к Вашему сиятельству с новою и последнею просьбою?

Почти без всякой веры в возможность успеха решаюсь однако просить о позволении заехать по дороге в Сибирь в деревню матери, расположенную в 30 верстах от города Торжка в Тверской губернии, - заехать на сутки или даже хоть на несколько часов, чтобы там поклониться гробу отца и обнять в последний раз мать и все семейство дома. Я чувствую, сколь просьба моя неправильна, и сколь просимая мною милость будет противоречить установленному порядку; но ведь для царя все возможно, а для меня, хоть и не заслуживающего столь чрезвычайной милости, она будет огромным и последним утешением. Мне кажется, что, побывав хоть одну минуту дома, я наберусь там доброго чувства и сил на всю остальную невеселую жизнь.

Если же это невозможно, то не будет ли мне разрешено увидеться и провести день со всем наперед о том предуведомленным семейством проездом в Твери? Мать стара, и ей трудно, да к тому же теперь было бы и слишком грустно ехать в Петербург; а между сестрами и братьями есть пять человек [1], с которыми я не видался со времени моего злополучного отъезда за границу, т. е. с 1840 года. Невыразимо тяжело было бы мне ехать в Сибирь, не повидавшись с ними в последний раз.

